

ПРОЛОГ

Была глухая осенняя ночь, город спал, и только в новой бане в углу княжьего двора горели два небольших масляных светильника, поставленных на лавку. Повитуха задремала на овчине, устав после суточного бодрствования и нелегких трудов. Новорожденный, завернутый в старую отцовскую рубаху и крест-накрест перевязанный поясом, лежал рядом с матерью. Впервые за сутки здесь стихли шаги и голоса, прекратились скрип дверей и плеск воды.

Пламя двух фитильков почти не разгоняло мрак, только на бревенчатых стенах шевелились тени. Женщина засыпала, и сквозь дрему ей мерещились звездные бездны небес, распахнутые над низкой крышей, близко-близко. Из открытых Врат к ее сыну спускались три вещие гости, и звездная пыль искрилась на их белых покрывалах. Первая, согнутая старуха с доброжелательным морщинистым лицом, улыбалась младенцу, приветствуя его появление на свет. В натруженных руках она держала кудель и готовилась тянуть из нее нитку. Вторая, средних лет, принесла

веретено, чтобы мотать на него старухину нить, и с добрым сочувствием глядела на молодую мать. А третья, совсем юная девушка с беспечным, дерзким, лукавым лицом, смотрела вызывающе, насмешливо и повелительно. В ее власти — будущее, а в руках поблескивали железные ножницы, которые она пустит в ход прямо сейчас или через семьдесят лет, — как пожелает...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смолянск, 830 год

С самого утра никто не ожидал важных новостей, тем более таких печальных. Накануне старейшина Русак праздновал рождение долгожданного сына: у него было уже шесть дочерей, и вот наконец-то вещие вилы, достающие младенческие души из облачного колодца Макоши, извлекли для него мальчика! Незадолго до рассвета Русакова мать, исполнявшая обязанности повитухи, вышла из бани, поклонилась на восток и протяжно закричала, чтобы слышали небо и земля:

— Вот родился у волчицы волчонок, людям на радость, себе на здоровье!

И старейшина, услышав ее голос, тут же высунулся из двери, восклицая:

— Ну, что там, что?

Его пояс и рубаху — чтобы завернуть новорожденного — приготовили заранее, но Русак, услышав долгожданное «сын!», то и другое стянул прямо с себя и поскорее

сунул в руки прибежавшей женщине, словно боялся, как бы Макошь в последний миг не передумала и не подсунула ему седьмую дочь!¹

В первые три дня никому, кроме повитухи, не полагалось видеть роженицу и новорожденного. Даже близко подходить к бане, где они оставались втроем, не следовало, и Русак изнывал от нетерпения, не в силах дожидаться мгновения, когда наконец сам сможет убедиться в своем счастье.

На радостях он тут же закатил пир, тем более что в гостях у него в эти дни были все трое детей смолянского князя Велебора. Пива пока еще варить было не из чего — ячменя оставалось едва на посев, — но браги, приготовленной на березовом соке, хватало: белых древесных «коров» с черными отметинами на шкурах в окрестных лесах имелось бесчисленно. В Днепре наловили рыбы, а старший княжич Зимобор подарил хозяину одну из добытых лосиных туш. Пир удался на славу — смолянские кметы, родичи и домочадцы Русака, соседи весь вечер и полночи пили, пели, даже плясали, оглашая свежую весеннюю ночь радостными хмельными голосами.

— Ты его как назовешь? — приставал к счастливому отцу младший Велеборов сын, Буйр. — Назови его Смог!

— Лучше — Наконец! — предлагал один из кметей, Прибыток, поддерживая княжича, который от пьяного хохота почти валился на стол.

Но Русак не обижался, а только, найдя пьяным взглядом какую-либо из сновавших вокруг женщин, размякшим от радости голосом допрашивал:

— Сын? Нет, ты мне скажи, верно — сын?

¹ Что любопытно, в древности обычай требовал сразу после рождения завернуть ребенка в рубашку родителя соответствующего пола, а иначе пол ребенка может измениться уже после рождения, если его не «привязать».

Княжна Избрана во всем этом буйстве участия не принимала, но оба ее брата с дружиной гуляли почти до утра. В Дивий бор, где располагалось гнездо весей, возглавляемых Русаком, они приехали поохотиться. После долгой голодной зимы вся дичь в ближних лесах вокруг Смоленска, столицы днепровских кривичей-смолян¹, была повыбита, а здесь паслось немало лосей. Уже вчера охотники привезли в Русакову весь шесть убитых быков, и весь вечер челядь возилась, разделывая туши.

Погуляли хорошо — давно так не случалось. Даже сам Секач, воевода и кормилец младшего княжича Буяра, упившись Русаковой брагой, плясал посреди избы и диким голосом пел «Купался Полель, да в воду упал», топча осколки глиняной миски. Стоянка, девушка из местных, пробегала мимо с кувшином, стараясь обойти пляшущего воеводу, споткнулась и упала прямо на Зимобора. Он поймал ее и посадил себе на колени, и она не стала возражать — красивый старший княжич ей нравился, и она уже второй день поглядывала на него, улыбаясь глазами и будто бы чего-то ожидая. Буяр, красный и взмокший, все норовил схватить Стоянку за плечо и пьяно орал:

— Брось его, иди лучше ко мне! Он порченый! У него невеста-покойница, ко всем его девкам по ночам приходит и душил!

— Сам ты порченый, вяз червленный тебе в ухо! — кричал в ответ Зимобор, отталкивая от девушки загребущие руки младшего брата. — Отвяжись! А то я тебя так испорчу, что вообще девки больше не понадобятся! Ты не бойся! — утешал

¹ В памятниках раннего Средневековья упоминаются три племенные группы с похожими названиями, одна из которых, по мнению исследователей, поселилась в верховьях Днепра в районе будущего Смоленска. Современный Смоленск возник позже, и здесь под этим названием выступает так называемое Гнездовское городище.